

ГЛАВА I

ЕЛКА — ДЕЛО ГОСУДАРСТВЕННОЕ

История рождения советской елки и елочной игрушки напрямую связана с антирелигиозной политикой. С первых лет советской власти в стране была развернута атеистическая пропаганда, включавшая среди прочего и борьбу с религиозными праздниками. Но, несмотря на это, в период военного коммунизма и НЭПа рождественскую елку власти старались не замечать, хотя игрушки на ней были «старорежимными»: все те же ангелочки, звездочки, мишура и другие кустарные украшения³.

Однако в 1928 году, с переходом к индустриализации и началом первой пятилетки, антиелочная кампания развернулась на полную мощность. В 1928–1929 годах возник негласный запрет на устроение елок. В официальном постановлении говорилось о преследовании за порубку, а не за установку дерева дома, и все же человек, который, несмотря ни на что,

нарядил «рождественскую» елочку, мог столкнуться с неприятными последствиями. С елкой боролись не только как с «пережитком» старого режима и «мещанством», но и как со скрытым проявлением религиозности. Елка дома считалась свидетельством празднования Рождества, а после введения непрерывной недели* оно, в свою очередь, означало праздничное безделье, прогулы, простои и в целом несоответствие жизни семьи политической повестке. Неформальный девиз для школьников звучал так: «Не надо нам елку, а лучше книжек полку».

Елочные игрушки изымали из магазинов и кооперативных лавок. Под предлогом сохранения лесов прекратились и елочные базары, а самостоятельную вырубку елок в лесу запретили. В газетах была развернута агитация против «чужого», «капиталистического», «отжившего» праздника. Детей, которые мечтали о елке, высмеивали, а в редакцию атеистической газеты «Безбожник» посыпались письма читателей: «Предлагаю... широко оповестить культ** учреждения — школы, детсады, очаги и т. д. о недопустимости устройств „елок с ангелами“ как это было в прошлые годы под лозунгом „Праздника Зимы“»⁴.

Елки, впрочем, все же наряжали, причем не только в семьях, но и порой в детских учреждениях. Иногда в ее роли могло выступить какое-то другое, даже комнатное растение. По этому поводу возникали шутки, связанные с тем, что елкой называли не только дерево, но и весь праздник. В моей коллекции хранится отпечатанное на машинке приглашение на домашний новогодний вечер, иронически

* *Непрерывная рабочая неделя («непрерывка»)* — календарный график, действовавший в СССР с 1929 по 1940 год, отменяющий традиционный воскресный выходной для устранения религиозного влияния. *Прим. ред.*

** Здесь и далее при цитировании источников сохранена орфография и пунктуация оригинала. Здесь и далее, если не указано иное, *прим. авт.*

имитирующее язык бюрократического документа своего времени: «Всем. Всем. Всем. Ввиду того, что ЕЛКА окончательно признана буржуазным предрассудком, Л*** С-ва приглашает вас на СОСНУ... <...> Ввиду того, что сосна будет украшена оными подарками, /не гостями/, РЕКОМЕНДУЕТСЯ в целях эстетики придать упаковке соответствующую физиономию».

Казалось, что елка навсегда исчезла или как минимум ушла в подполье. Однако спустя несколько лет совершенно неожиданно для всех в газете «Правда» от 28 декабря 1935 года появилась небольшая заметка за подписью члена ЦК ВКП(б) Павла Петровича Постышева с названием «Давайте организуем к Новому году детям хорошую елку!». В ней политик вспоминал о том, что до революции елка была доступна только буржуазии и чиновникам, и утверждал, что пришло время подарить ее детям рабочих: «Какие-то, не иначе как „левые“ загибщики ославили это детское развлечение как буржуазную затею. Следует этому неправильному осуждению елки, которая является прекрасным развлечением для детей, положить конец. Комсомольцы, пионер-работники должны под Новый год устроить коллективные елки для детей»⁵. По легенде, на эту мысль его натолкнули и собственные воспоминания, и забота о заболевшем маленьком сыне Леониде, которому он привез из Москвы с пленума маленькую искусственную елочку⁶. Именно с этого момента начинается история собственно советской елки в целом и елочной игрушки в частности — не повторяющей дореволюционную, а системно создающей облик нового, социалистического праздника.

Статья произвела эффект разорвавшейся бомбы. По всей стране стали спешно организовываться праздничные торжества, а газета «Правда» ежедневно рапортовала о том, как идет подготовка, как заготавливаются в лесах елки, как продаются игрушки в магазинах и как планируют проводить новогодние мероприятия в домах пионеров, кинотеатрах

и на катках. Вся страна радостно окунулась в то, что еще вчера казалось запрещенным навсегда: «К Новому Году — две радости: одна — бытовая, другая — политическая. Разрешена и даже рекомендована елка, и везде, повсюду — елочный энтузиазм, елочная вакханалия. В срочном, срочнейшем порядке мастерятся украшения, в „Детском мире“ за ними густые очереди, в магазинных витринах сверкают отлично убранные елки, повсюду веселые разговоры на соответствующие темы, — прекрасно!»⁷

Уже в январе 1936 года журнал «Огонек» поместил на обложку фото новогоднего карнавала в 25-й образцовой школе Октябрьского района в Москве. На снимке на фоне нарядной елки стоят обнявшись трое школьников: девочка в народном русском наряде с кокошником, ее подруга в «летних» очках, с бумажными самолетами на платье, и мальчик в костюме клоуна. Запомним этот набор костюмов, символизирующих единство советских народов, технические достижения и веселье циркового представления: еще много лет они будут воспроизводиться в елочной игрушке.

Несмотря на всю неожиданность, возвращение елки вполне вписывается в коренной поворот, начавшийся в культурной политике СССР еще в 1934 году. Одним из важнейших столпов идеологии второй половины 1930-х годов стало благополучие граждан — вполне приземленное и материальное. Так, 1 января 1935 года были отменены карточки на хлеб, 1 октября — на другие продукты, а вслед за ними и на промтовары. А 17 ноября 1935 года на Первом Всесоюзном совещании стахановцев прозвучала знаменитая фраза И. В. Сталина: «Жить стало лучше, товарищи. Жить стало веселее». Для того чтобы мотивировать людей больше работать, Советское государство обратилось к материальным способам поощрения. В результате именно стахановцы стали образцом «новой элиты», которая трудится в полную силу,

а потому имеет возможность хорошо питаться и одеваться, отдыхать в санаториях Крыма и Кавказа, покупать дорогие бытовые приборы. Образы изобилия начали чаще встречаться на плакатах, в книгах, фильмах, архитектурном декоре, в частности на станциях метро⁸.

Неслучайно в течение следующих десятилетий распространение елочных игрушек (предметов относительно дорогих и не самых необходимых для выживания) стало служить свидетельством не только роста благосостояния и благополучия граждан, но и развития советской промышленности. О технологических достижениях в производстве игрушек, количестве выпущенных в продажу украшений и новинках активно писали газеты — иногда даже на первых полосах, где традиционно размещаются самые важные новости. Именно так граждане узнавали, что в продажу поступили новые стеклянные зайчики на прищепках, деды-морозы, от маленьких до огромных, фигурки по мотивам сказок Александра Пушкина и наборы украшений для миниатюрной елки — сегодня бы мы назвали это «нативной рекламой»^{*}.

Дело тут, конечно, не только в увеличении доходов населения. В 1930-х годах государство обратилось к таким ценностям, как семья, карьера, потребление, — иными словами, реабилитировалась та самая повседневность, с которой раньше боролись как с проявлением «мещанства». Теперь она была призвана продемонстрировать улучшение, в том числе материальное, положения советских граждан по сравнению с дореволюционным периодом, а также наличие у массового потребителя доступа к благам, которыми раньше могли пользоваться лишь зажиточные слои населения. В их число вошла и новогодняя елка. Такой поворот

^{*} *Нативная реклама* — естественная интеграция товара в контент, которая воспринимается как простая, нерекламная статья. *Прим. ред.*

стал следствием урбанизации: не только разрастания городов и увеличения доли городского населения, но и целенаправленного противостояния власти «окрестьяниванию города»⁹. Требовалось буквально научить вчерашнего крестьянина быть горожанином, заполнить его свободное время чем-то продуктивным, привить ему навыки полезной деятельности в виде «культурного досуга»¹⁰. Одним из важных инструментов этого «окультуривания» стали предметы быта, «малое искусство»: будучи частью повседневности, они исподволь вносили в сознание людей новые идеи. Среди таких объектов встречались, конечно, и игрушки, в том числе елочные.

Коммунистическая идеология подразумевала создание не только новых производственных отношений, но и нового человека, ориентированного на коллектив. В 1928 году такую модель коллектива предлагал первый нарком просвещения РСФСР А. В. Луначарский: «Каждая молекула-человек бьется во все стороны, натывается на всех своих соседей и хаотично, беспорядочно мечется. Организовать эти молекулы, придать им единое направление, придать им целеустремленность, порядок — вот в чем заключается дело. И когда человеческие воли будут организованы в единство, будут действовать как согласованный пучок энергий, то, может быть, ничто не в состоянии будет им противостоять»¹¹. Но если в 1920-х нового человека предлагали «создавать» с помощью спорта и гигиены, новой литературы, кино, изобразительного искусства и праздников, то в середине 1930-х на пьедестал вернулись и классические произведения, а в газетах, журналах и методических пособиях для культурных работников стали публиковать списки книг, которые должен был прочитать будущий коммунист.

Еще одно важное изменение 1930-х годов — поворот от идеологии интернационализма к национальному

строительству, объединению советских граждан вокруг традиционных практик, в частности через новое отношение к праздникам. В противоположность началу 1920-х годов, отмеченных активным конструированием принципиально нового календаря, праздничных ритуалов и инверсий «старых» праздников (Красная Пасха, Красное Рождество), в 1930-х годах началось своего рода «приручение» традиционного праздничного календаря и ритуала: вместо кулича, который раньше пытались запретить, впервые предлагался «кекс весенний», а «рождественская» елка стала «новогодней» — «нашей», «советской». В рассказах о Ленине также начали упоминать елку¹².

Елка должна была воспитывать человека как гражданина Страны Советов, культурного горожанина и потребителя. Дети же становились не только самыми благодарными слушателями, но и первыми проводниками новых идей. Детство в 1920–1930-х годах ощущалось не как особый, автономный от взрослой жизни период (такой подход придет позже, с конца 1960-х), а как время подготовки к взрослой жизни и активного участия в ней¹³. Предполагалось, что дети должны с самого младшего возраста делать полезные дела на благо общества, а повзрослев, они продолжают строительство коммунизма. Их воспитание как будущих борцов за советские идеалы было делом первостепенным.

Поэтому в 1920–1930-х годах во всех областях культурной индустрии, ориентированной на детей, развернулись дебаты о том, что может считаться подлинно советским искусством для детей и как должны выглядеть воспитывающие маленького гражданина игрушки. В 1932-м в Загорске (ныне — Сергиев Посад) возник Научно-экспериментальный институт игрушки (НЭИИ), позже переименованный в НИИ Игрушки (НИИИ), основанный специально для того, чтобы разрабатывать советскую игрушку (в том числе елочные украшения). В 1935–1939 годах

*Идеалы советского детства и юности в елочных флажках.
Ленинград, 1930-е гг.*

издавался и специальный журнал всесоюзного значения «Советская игрушка»¹⁴ — на его страницах елочным украшениям также уделялось много внимания.

Елка должна была стать не только обучающим пособием, но и важной частью еще одной составляющей советской идеологии: концепции счастливого детства как одного из важнейших завоеваний революции¹⁵. Вспомним статью Постышева: советское беззаботное детство в ней противопоставлено полному лишений детству в дореволюционной России. На новогоднем базаре на Манежной площади в Москве в декабре 1936 года подножие елки опоясывал знаменитый лозунг «Спасибо Сталину за счастливое детство». Даже предисловие к узкопрофессиональной книге про технологию елочной игрушки начиналось с фразы: «Праздник новогодней елки запоминается на всю жизнь как праздник красоты и радости счастливого детства, созданного в нашей стране огромными заботами о детях партии, правительства и лично товарища Сталина»¹⁶.

Как же должна была выглядеть советская елка? Прежде всего, конечно, актуальной, отражающей современную жизнь страны и ее достижения. Тем не менее почти никто не призывал к полному замещению нейтральных игрушек идеологическими. Единственное, что признавалось неприемлемым, — это украшения, «противоречащие принципам коммунистического воспитания детей»¹⁷: игрушки, связанные с религией (например, ангелы) и карикатурные изображения. Большинство участников полемики 1930-х годов настаивали на том, что образы зверей, птиц, сказочных героев должны сочетаться с актуальными сюжетами, посвященными авиации, обороне, народам СССР, покорению Арктики и т. д.¹⁸ Тематика елочных игрушек должна была «отображать социалистическое строительство, оборонную мощь нашей родины, персонажи из сказок и из художественной литературы, оригинальные фигуры птиц, животных и типы людей»¹⁹. Фабрики и артели, которые начинали производить игрушки на актуальные темы, хвалили в профильной прессе: «Чего только нет на этих хрупких изящных шарах! Былинный эпос, сюжеты из народных сказок, персонажи из поэм Александра Пушкина, произведений Самуила Маршака и Корнея Чуковского. Особо следует отметить оперативность руководителей фабрики: дети получают к елке шары с изображением бойцов, одержавших блестящие победы на озере Хасан, самолета «Родина» и его славного экипажа»²⁰.

Но, конечно, елка не была исключительно детским развлечением. Более того, очень скоро она стала символом: увенчанное звездой, это дерево олицетворяло всю советскую страну.

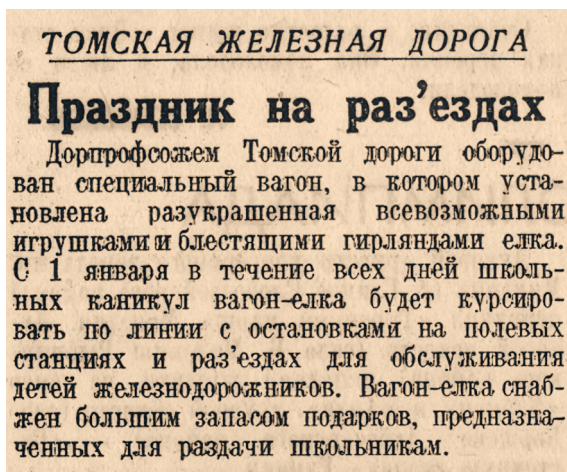
В газетах и журналах достижения советского народа за год нередко изображались в виде «подарков» или игрушек на Всесоюзной елке. Например, в «Правде» от 31 декабря 1936 года помещен рисунок Константина Ротова, изображающий представителей разных профессий (от поваров

и водолазов до шахматиста, многодетной матери и пограничника Карацупы, поймавшего нарушителя), несущих плоды своей деятельности для украшения новогодней елки, с таким комментарием: «Елка, которую изобразил художник К. Ротов, сверху донизу заполнена чудесными подарками, доставленными со всех концов нашей родины. Вершину елки прочно заняла наша славная авиация, добившаяся в этом году замечательных побед. Ниже на елке — автомашины, быстроходные корабли, вкусная еда, выпускаемая тов. Микояном, и „дед-Мороз“, он же О. Ю. Шмидт, освоивший Арктику...» Своего рода советская инфографика: в виде елки были представлены главные итоги года.

Публиковались и сатирические изображения елок на разные актуальные темы. Во время Великой Отечественной войны в газетах печатали карикатуры, изображавшие елки, «украшенные» побежденными немцами. В новогоднем «Голубом огоньке» 1962/63 года показывали карикатуры художника В. А. Гальба с изображением Дедов Морозов с елками, украшенными сообразно их описанию. Это Дед Мороз — «рыболов-любитель», на чьей елке развешан улов, «дождеупорный» Дед Мороз с зонтиком вместо елки и даже

Броневик. Фабрика «Универпром» № 10. Москва, 1936 г.

Передвижная елка. Заметка из «Комсомольской правды» за 29 декабря 1937 г.

«стильный» Дед Мороз, на елочке у которого «стиляжий» галстук с обезьяной, «фирменный лейбак» и магнитофон. На карикатурах периода холодной войны империалисты изображались рядом с елкой, увешанной бомбами и снарядами. А в журнале «Мурзилка» за 1980 год был опубликован смешной рассказ Эдуарда Успенского, где в рамках борьбы за экологию вместо елки по всем правилам нарядили товарища Помидорова: повесили на него лампочки, дождик и игрушки.

А еще елка оказалась одновременно символом домашнего уюта и преодоления трудностей, веселья и взаимопомощи. Во время войны в газетах публиковались фотографии наряжающих ее семей, взявших на воспитание детей-сирот, а после войны на фоне новогодней елки газетные фотографы снимали семьи вернувшихся фронтовиков и Героев Труда. Нарядная елка с ее хрупкими украшениями становилась олицетворением дома, заботы и мира.

Елки появлялись в детских домах и военных госпиталях, в столовых и министерствах — словом, повсеместно. Где бы ни оказывались советские люди — в окопах и землянках во время войны, на ледоколе, дрейфующей полярной станции в Арктике, на корабле в Тихом океане, в забое угольной шахты, в цехе огромного завода, на строительстве плотины в Африке, в автобусе, следующем по своему маршруту в новогоднюю ночь, и даже в космосе, — на Новый год старались нарядить хотя бы маленькую елочку. Она не только радовала, но и напоминала о том, что праздник — общий, как и ритуалы его проведения.

Даже если достать и нарядить елку оказывалось трудно, это все же не считалось поводом отказываться от главного новогоднего атрибута. Например, однажды гляциологи, зимующие на одном из ледников Памира, сделали ее сами. «...Без елки нельзя! — заявил Володя Смеянов и начал вытачивать из деревянного бруска ствол елочки. Вместо веток прицепил проволочки. Все мы азартно взялись красить зеленой тушью бумагу, прикреплять „иголки“. Украшали елку конфетными обертками, гирляндами»²¹. Потом, правда, выяснилось, что в контейнере с продуктами, которые сбросил зимовщикам самолет, была и маленькая коробочка с игрушечным дедом-морозом и настоящими бусами для елки. Это тоже очень показательный мотив: даже в самые удаленные уголки Родина доставляла советским людям вещи, необходимые для праздничного ритуала, — настолько важно было отпраздновать Новый год «вместе со всем советским народом», почувствовать свое единство со страной. Украшение елки становилось хотя и небольшим, но подвигом.

Популярность елочных игрушек воспринималась как свидетельство экономического роста: «Директор университета № 1 т. Большаков сообщает интересные цифры: за последние 3 месяца игрушек продали больше, чем за первые

*Елочка чуть выше спичечного коробка;
такую можно было разместить где угодно*

три квартала, а за весь минувший год — вдвое больше, чем в 1956 году. Это один из маленьких штрихов большой и радостной картины роста благосостояния народа»²².

К середине XX века елочные игрушки стали настолько востребованы, что даже суть денежной реформы 1961 года объясняли, в том числе, на их примере: «Фактически подешевеют многие игрушки и в том числе некоторые елочные украшения. Так, верхушка для елки в виде звезды со шпилем на конце, раскрашенная цветным лаком, вместо 5 руб. 25 коп. будет стоить 52 коп.»²³.

Итак, елка была и средством воспитания нового гражданина, и метафорой достижений страны (а также негативных явлений в остальном мире), и материальным свидетельством улучшения жизни и счастливого детства в Советском государстве.

**Почитать описание и заказать
в МИФе**

Смотреть книгу

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

Взрослые книги:

